

Александр ДОЛЬСКИЙ:

В давние времена барды считались не просто поэтами, исполняющими свои творения под свой же аккомпанемент, но еще и немного колдунами, магами. И неспроста: две стихии – поэтическая и музыкальная, – слившись воедино, действительно приобретают какую-то особую, магическую силу. Куряне, побывавшие 14 марта в Центре духовной культуры имени Щепкина, смогли ощутить ее удивительное воздействие на умы и сердца: в этот день там прошел концерт мэтра авторской песни Александра Дольского.

Среди плененного народа я вольный дух, сама свобода

Поэт-интеллектуал, тонкий лирик, композитор и гитарист-виртуоз, он сумел сочетать в своем творчестве столько граней, причем на высочайшем уровне мастерства, что с 60-х гг. XX века ему сопутствовала оглушительная слава и неизменные аншлаги на концертах. Только пластинок с песнями Дольского было выпущено 11 миллионов. А сколько до того было магнитофонных кассет, а сколько после вышло дисков... Десятки миллионов. Так что его собственные строки «И пусть в сердцах осядет слово, которое сказать посмел» стали нечаянным пророчеством самому себе.

– Александр Александрович, почему, на ваш взгляд, сегодня авторская песня уже не столь популярна, как в прошлом веке? Все меньше народу собирает наш курский фестиваль «Соловьиная трель», и даже знаменитый Грушинский уже не так привлекает...

– А потому, что нет личностей, нет ярких авторов. На Грушинском фестивале я сейчас бываю очень редко. Теперь это совершенно другое мероприятие, именно мероприятие. Тогда это был фестиваль. Туда приезжали ребята, которые сами сочиняли песни. Они ни на что не рассчитывали в материальном плане, они не рассчитывали на славу. Просто приезжали познакомиться, пообщаться, попеть свои песни, послушать других. А сейчас Грушинский фестиваль – это огромная ярмарка. Там я особенно остро чувствую, что «среди плененного народа я вольный дух, сама свобода».

– Существуют ли подобные фестивали за пределами России?

– Да, но они существенно отличаются от наших. Помню, как-то в 87 году меня пригласили на фестиваль «Братиславская лира». В его рамках у них проходили выступления бардов. Только там не называют это авторской песней, потому что для них обычное дело то, что человек может петь, сочинять, играть – и все сам. Редко кому из их певцов кто-то пишет песни.

– Откуда же у нас пошло разделение труда?

– Это наше разделение непростое. Оно хитрое, просчитанное. Были союзы художников, композиторов и писателей. Они сочиняли и заставляли исполнять свои песни и имели огромные авторские отчисления. Это все из-за денег. Если бы их не было, может быть, все было бы гораздо интереснее. И сейчас это продолжается: певец сам для себя ничего не может сочинить. Не имеет права, ему не дадут. Вот прошел проект «Голос», там выступали ребята необыкновенного таланта, и все они могут стать сейчас крепостными...

– И все-таки авторская песня – это особое явление. Во всяком случае, у нас, в России.

– Это явление существует многие века – когда поэт берет какой-то инструмент и начинает себе аккомпанировать. Но власть попыталась прервать нашу музыку и поэзию в марте 1968 года. Это было после первого и единственного Всесоюзного фестиваля авторской песни в новосибирском академгородке. Я участвовал в этом фестивале. И, главное, там выступал Александр Аркадьевич Галич. И в основном все произошло из-за Галича. Это было его первое и последнее выступление на сцене в СССР. На-